

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДОВ УРАЛА (1960–1980-е гг.)

В статье на основе разноплановых источников анализируются общие закономерности и региональные особенности развития культурного пространства городов Урала. В 1960–1980-е годы в СССР происходило обострение проблем и противоречий всех уровней, и именно города в данный период в большей степени определяли общественное развитие.

Ключевые слова: города Урала, культурное пространство, 1960–1980-е гг.

Понятие «культурное пространство города», так же как и понятия «город», «пространство», «культура» в качестве объекта исследования поддаются определению с большим трудом. В настоящее время существует несколько рабочих определений этого феномена [1, с. 5–19].

Культура понимается автором как один из базовых механизмов общественного самовоспроизводства; как универсальный способ понимания, освоения и преобразования действительности людьми и социальными сообществами.

На основе междисциплинарного подхода представляется возможным охарактеризовать культурное пространство города как многоуровневую и целостную систему, которая включает в себя *объекты культуры; субъекты культурных процессов; события культурной жизни*. В свою очередь, каждый из этих компонентов в реальной жизнедеятельности городского сообщества содержит два уровня.

Культурная жизнь в узком смысле – процесс производства и потребления продуктов художественного, эстетического творчества во всем его историческом и видовом разнообразии (изобразительное искусство, литература, театр, музыка, кинематограф и т. д.); сфера деятельности государственных и общественных институтов, а также отдельных людей и социальных групп.

Культурная жизнь в широком смысле – совокупность культурных аспектов жизнедеятельности тех общественных субъектов, которые не относятся к сфере культуры в узком смысле. Культурная жизнь города в широком смысле не имеет четко фиксированных границ: она включает в себя и культуру повседневных отношений горожан, и культуру предметной среды города, и культуру труда, быта, общения, то есть самых разных сторон жизни населения.

Цель исследования – выявление тенденций, общих закономерностей и региональных осо-

бенностей развития культурного пространства городов Урала в 1960–1980-х гг. Территориальные рамки исследования – Пермская, Свердловская и Челябинская области. Это наиболее развитые районы Урала не только в промышленном, но и в социокультурном отношении.

Для культурного процесса послевоенного времени урбанизация оказалась одним из самых значительных факторов. В ходе нее шла быстрая перестройка социальной структуры общества. Уже в 1959 году в РСФСР, а в Уральском регионе еще раньше, численность горожан превысила число сельских жителей. В наиболее промышленно развитых областях Урала городское население составляло от 77,3% (Пермская обл.) до 87,1% (Свердловская обл.) населения [2, с. 6].

Время вхождения в урбанистическую городскую культуру расслаивает ее, по мнению отдельных исследователей, на 6 групп: в первую включаются горожане первого поколения 1930–50-х годов рождения, во вторую – горожане второго поколения 1950–70-х годов рождения, в третью – внуки горожан первого из названных поколений 1970–80-х годов рождения, четвертую группу составляют лица 1930–50-х годов рождения, попавшие в город относительно поздно, пятая группа образуется из лиц, обладающих наиболее сложившимися городскими традициями (те, кто был горожанином третьего поколения уже в 1950-е годы), наконец, шестую группу составляют потенциальные горожане, проживающие в сельской местности. Как полагают исследователи, «каждая из этих групп в ответственный период детства и юности успела ассимилировать столь разнящийся в силу ускоренности общественного развития обыденно-культурный опыт, что всякое усреднение... оказывается логически недопустимым...» [3, с. 65].

В 1970–80-е годы под воздействием научно-технического прогресса и бурной интерна-

ционализации хозяйственной деятельности и за рубежом, и в СССР считалось, что должен существовать некий единый «образ жизни». Однако сокрушительные факты убедительно показали, что благосостояние, прогресс, счастье не могут быть привнесены извне согласно шаблонной схеме. Всякий научно-технический, экономический, социальный, политический проект обречен на неудачу или, по крайней мере, на недостаточный эффект, если он игнорирует особенности природной и культурной среды людей, для которых предназначен. Культурная самобытность человека, группы людей, проявляющаяся как отождествление ими себя с местной, региональной, национальной языковой, этической, эстетической и прочими средами, в таком ее понимании оказалась не только более живой, чем предполагалось еще несколько десятилетий назад, но и способной к возвращению из забвения и изгнания.

Таким образом, в социально-культурном смысле мы имеем дело не с единым населением, а с несколькими «населениями». Эту особенность настойчиво подчеркивали ученые-социологи. «При оценках пути развития советской культуры нередко стремятся дать ей однозначную характеристику. При этом исходят из неверного допущения, что советская культура начиная с 1930-х годов представляет собой некое единое, монолитное целое. Однако такой подход в принципе ошибочен. В стране и ныне нет единого типа культуры, как нет и единого образа жизни и единого типа личности» [4, с. 44].

В 1960–80-е годы промышленно развитые области Урала, превосходящие по размерам некоторые европейские страны, отнюдь не принадлежали к благоприятным местам проживания. Несмотря на их удобное географическое положение, уникальное богатство природно-сырьевыми ресурсами, промышленность, представленную такими доходными отраслями, как машиностроение, нефтехимическая, металлургическая, деревообрабатывающая, целлюлозно-бумажная и др., уровень и качество жизни людей оставались очень низкими.

Если оценивать народно-хозяйственный комплекс промышленных областей Урала с позиции социальных критериев, то становится ясно, что он представляет собой результат эскалации производственного развития в ущерб социальному. Обеспеченность врачами в расчете

на 10 тысяч жителей составляла 82% от среднего по РСФСР, обеспеченность жильем – 90%. На протяжении 1960–1980-х годов на Урале фиксировался самый большой отток населения среди экономических районов РСФСР. Причина – низкие параметры регионального социального развития [5, с. 13].

Жилое пространство современных промышленных городов оторвано от живущего в нем человека. Отдельный человек перестал быть мерой пространства города: ширина новых магистралей оказалась примерно равной длине старых улиц, дворы уподобились площадям. На Урале эта антигуманистическая тенденция еще усиливалась огромным количеством промышленных предприятий и уродливым видом промышленных городов. В корпусе Челябинского металлургического комбината галерея для подачи шихты в печи и переход в бытовой корпус для людей были одинаковой конструкции, один к одному. Такое вот символическое отношение к человеку: что люди, что шихта – сырье для промышленности [6, с. 42].

И само общество строилось по образу и подобию фабрики с крайней степенью централизации управления в руках бюрократии. Экономика, политика, общественная мысль и культура СССР были в крайней степени бюрократизированы, и поэтому процессы, происходящие в недрах бюрократии и в отношениях между бюрократией и обществом, определяли развитие СССР [7, с. 132].

Сфера культуры понималась как набор соответствующих учреждений, разбитых по направлениям деятельности: театральная сеть, библиотечная сеть, музейная сеть, клубная сеть... Иными словами, сфера культуры понималась как отрасль, по аналогии с промышленными отраслями. Управление было, соответственно, внутриотраслевым и заключалось в том, что вышестоящие органы руководили нижестоящими. Каждый руководитель точно знал круг «своих» объектов, не менявшийся порой годами. «Объекты» знали свои обязанности по отношению к «своему» управленцу [8, с. 32].

Основной властной инстанцией региона являлся аппарат обкома партии, а его численность и структура определялись количеством жителей области, численностью коммунистов и экономическими особенностями данного региона. Например, в Челябинской области в 1980

году численность коммунистов и кандидатов в члены КПСС составила 200832 человека [9, Л. 1.], аппарат обкома насчитывал 149 человек [10, Л. 3.], работавших в отделах, полностью дублировавших отделы облисполкома. В 1969 году для «руководства деятельностью культпросветучреждений» был создан отдел культуры Свердловского обкома КПСС, позднее такие отделы появились и в других областях. Так, отдел культуры Челябинского обкома КПСС был создан в 1974 году и состоял из заведующего отделом и трех инструкторов [11, Л. 4].

В городах и районах руководство сферой культуры осталось в ведении отделов агитации и пропаганды горкомов и райкомов КПСС. Например, в Челябинской области в 1980 г. заведующих отделами агитации и пропаганды горкомов и райкомов КПСС всего было 51 человек, из них женщин – 21 человек (41,2%), все имели высшее образование [12, Л. 157].

Непосредственно сетью учреждений культуры занимались областные управления культуры, которые были образованы в 1953 году на основании Постановления Совета Министров РСФСР от 9 июня 1953 года №733 «О примерной структуре и штатах местных органов Министерства культуры РСФСР». Областные управления культурой осуществляли руководство деятельностью городских и районных отделов культуры, театрально-зрелищных, концертных учреждений, учебных заведений культуры и искусства области, утверждали репертуарные планы театров и концертных организаций, организовывали смотры и художественные выставки, составляли сводные отчеты по итогам своей деятельности и сети подведомственных учреждений [13, Л. 33].

Культура рассматривалась как сфера услуг и целиком включалась политической властью в свою орбиту, автономные инициативы либо не разрешались вовсе, либо допускались чрезвычайно редко. Сеть клубов, библиотек и других учреждений культуры, а также работавшая в них «многотысячная армия культпросветработников» рассматривалась как «боевые помощники партии», которые должны вносить повседневный вклад в развитие экономики и культуры народа. Усилению административных методов руководства культурой способствовало представление о том, что центральной задачей органов управления является про-

стое распространение разработанных в центре форм и методов работы без учета возможности их использования в конкретных условиях. Анализ результатов работы учреждений сферы культуры проводился без глубокой содержательной оценки характера и контактов с населением, анализа социокультурной ситуации.

Соответственно, годовые планы и отчеты отделов культуры исполнительных комитетов городов и районов повторяли друг друга с небольшими вариациями. Ежемесячно в городских отделах культуры по регламенту проводились совещания с директорами государственных и профсоюзных учреждений культуры, на которых рассматривались планы работы за прошедший месяц, их выполнение и планы на следующий месяц и задачи, вытекающие из решений вышестоящих органов.

При городских отделах культуры были созданы так называемые общественные советы, перечень их был также стандартен:

- Межведомственный библиотечный совет;
- Межведомственный музейный совет;
- Деканат университета музыкального воспитания.
- Художественный совет
- Общественный совет директоров клубных учреждений.

Заседания советов проводились один раз в квартал по особому регламенту и плану работы, утвержденному заместителем председателя горисполкома.

В 1980-е годы общественные советы или правления были созданы на уровне отдельных учреждений культуры (клуб, библиотека, музей) «для активного участия общественности в организации работы культурно-просветительных учреждений». Но существовали они формально, чаще всего члены совета не избирались, а назначались; либо избирались не на специальных отчетных собраниях перед населением, а узким кругом актива [6, с. 15].

Фактически до 1985 года управления в общепринятом смысле этого слова – как деятельности по постановке принципа обратной связи – не было ни в одной сфере общественной жизни. Существовала лишь постановка задач перед исполнителем с указанием заранее заданных ему обязательств и средств их решения. Отрицался подход к культуре как к единой целостной и в то же время сложной системе.

Показателями культурного развития страны, области, города были «средние цифры» посещения лекций, кинотеатров, театров, библиотек, музеев и т. д., а не реальные изменения в социальной деятельности людей, их образе жизни. Наиболее привлекательные, популярные формы культурной деятельности населения 1980-х годов – Клубы самодеятельной песни, дискотеки, рок-группы – возникали и развивались либо вне стен клубных учреждений, либо на периферии их основной (отчетной) деятельности. По данным социологических исследований, в 1980-х годах в Свердловской области в 9 случаях из 10 горожане предпочитали заниматься своими любительскими увлечениями индивидуально, в семейном или приятельском кругу, нежели в клубе [14, Л. 9].

Одной из особенностей взаимодействия культурной жизни общества, развития искусства и государственной политики до середины 1980-х годов было радикальное расхождение поставленных целей и основных векторов направленности реальных процессов. Культурная жизнь развивалась как бы сама по себе, государственная политика ставила цели и задачи, противоположные тенденциям культурного развития – невыполнимые и приводящие к состоянию кризиса.

Характерной особенностью культурного пространства городов промышленных областей Урала было то, что 81% основных культурных фондов, 71% культработников принадлежали не Министерству культуры РСФСР, а предприятиям и ведомствам. Это данные по Свердловской области [14, Л. 52]. Такая же ситуация была характерна для Челябинской и Пермской областей.

Развитие социокультурных процессов в 1980-е годы можно охарактеризовать как обеспечение развития за счет экстенсивных факторов, т. е. непрерывного количественного наращивания сети, внедрения повсеместно однообразного набора учреждений, а также насыщения быта техническими средствами трансляции культуры.

Анализ распространенности различных досуговых учреждений среди городских поселений показывает, что только 31,6% из их числа имели парки, 33,5% – музеи, 60% – музыкальные школы, 48% – спортивные сооружения [15, с. 14–15]. Таким образом, социально-культур-

ное развитие Пермской, Свердловской и Челябинской областей в этот период характеризуется явным отставанием от среднереспубликанского нормативного уровня обеспеченности населения сетью социальных учреждений.

Другой особенностью была неравномерность в распределении учреждений культуры среди различных типов поселений внутри областей. Театры, художественные галереи, музеи, концертные залы, дворцы спорта, творческие организации были сосредоточены главным образом в областных центрах и нескольких крупных городах (Магнитогорск, Златоуст, Нижний Тагил, Первоуральск, Березники). В этих же городах размещались все высшие учебные заведения областей, большинство научно-исследовательских институтов, здесь же были сосредоточены и наиболее квалифицированные кадры работников культуры.

Материальная база культуры во многих уральских городах была создана еще в годы первых пятилеток и в послевоенное время. Ее состояние требовало серьезной реконструкции. Это относится в первую очередь к наиболее массовым учреждениям культуры: клубам, библиотекам, кинотеатрам.

Но даже созданная сфера культуры не была востребована населением. Этот вывод подтвердили исследования, проведенные в Челябинске: в городских учреждениях культуры проводили время 7% горожан, а хотели бы практически все опрошенные [8, с. 26]. По данным статистических отчетов Пермской области, клубы использовались примерно на 20% [16, с. 26]. Таким образом, еще одной проблемой социально-культурного развития Уральского региона в 1980-х годах было явное несоответствие созданной сферы культуры и потребностей населения.

В 1980-е годы выход видели в изменении типологии учреждений культуры, т. к. существовавшая типология учреждений культуры сложилась много десятилетий назад и практически не изменялась. Набор учреждений, как правило, определялся директивным способом и распространялся в неизменном виде по всем территориям. Этот набор находился в зоне постоянной критики, как не соответствующий потребностям населения. Но причины несоответствия созданной сферы культуры и потребностей населения были гораздо глубже и сложнее.

Градостроительная политика, ориентированная после 1957 года на задачу обеспечения каждой советской семьи отдельной квартирой, стала одним из основополагающих элементов нового механизма социальной регуляции. Параллельно складывалась целая отрасль обслуживания личной жизни человека – от средств массовой коммуникации индивидуального пользования (электропроигрыватели, многоканальные радиоприемники, телевизоры, магнитофоны) до средств эстетизации быта, бытового дизайна. Более того, действующий хозяйственный механизм позволил индивидуальному бытовому пространству по качеству и технической оснащенности, эстетическому уровню быстро обогнать столь важные для предшествовавшего этапа развития нашей культуры места коллективного общения (клубы, библиотеки).

Несмотря на все трудности, наука и культура развивались, чему в немалой степени способствовало стабильное финансирование. Нельзя не заметить поступательного развития культуры, успешно продиравшейся через тернии партийно-государственного контроля. На фоне тонн макулатуры и множества бездарных произведений создавались и талантливые. Официоз не имел ничего против таких произведений, если в них не излагался альтернативный «правильному» взгляд на политические и историко-политические вопросы. Впрочем, неутомимые художники умудрялись под видом исторических и бытовых сюжетов рассуждать о темах, официально открытых только после 1985 года.

Подлинная, истинная культура не была подвергнута коррозии в условиях жесткого государственного контроля. Не она шла на компромисс, а, скорее, режим был вынужден в чем-то ей уступать, приспособливаться к ее неизбежному и неистребимому присутствию в жизни общества. Другое дело, что в официальной жизни СССР она не занимала подобающего ей места, была оттеснена в тень, отторгнута, отодвинута как нечто ненужное, а порой и просто «зловредное», «опасное», «угрожающее». Ей просто не было места в официальной жизни, и она существовала неофициально. Только сейчас начинают появляться исследования и публиковаться данные об этой, неофициальной, но истинной культуре.

В конце 1970-х – начале 1980-х годов в Перми появилось литературно-художественное объединение «Эскиз», созданное первоначально как неформальная группировка молодых поэтов (В. Дрожащих, В. Кальпиди, Ю. Беликов), художников (В. Смирнов, В. Остапенко, М. Хан), фотохудожников (А. Безукладников, Ю. Чернышев), корреспондентов (П. Печенкин, Т. Черепанова). Участники объединения стремились создать атмосферу свободного общения, непрерывную творческую среду, преодолеть культурно-информационную изолированность. Неформальный подход выражался как в подборе приоритетных проблем (альтернативные официальные течения в искусстве, науке), так и в их творческом осмыслении. Наиболее яркой акцией этого периода, определенным рубежом в процессе становления творческого объединения стала постановка театрализованного действия «Ночь на Ивана Купала». Идея постановки заключалась в попытке воссоздать языческую поэтику отношений природы и человека.

Следующим шагом в развитии «Эскиза» стало учреждение в 1979 году одноименной рубрики в областном периодическом издании «Молодая гвардия» (печатный орган Пермского обкома ВЛКСМ). К концу 1980 года «Эскиз» приобрел статус легализованного творческого молодежного объединения, что позволило активно привлекать к себе широкие круги пермской творческой молодежи, получить площадку для публичной реализации альтернативных художественных идей. Под эгидой «Эскиза» оживилась литературно-художественная жизнь города: в 1982 году организовали областной семинар творческой молодежи, на который, преодолевая консервативные барьеры, пригласили московского художника-авангардиста, московских поэтов; прошла демонстрация слайд-поэмы «В тени Кадриорга»; состоялось множество встреч, выступлений, выставок, было много газетных публикаций. Продемонстрированный «Эскизом» пример лояльного отношения к эстетическому разнообразию – единственный в пермской ситуации начала 1980-х: подавляющее большинство местных периодических изданий и творческих объединений оставались сторонниками единообразного, традиционного, направления [6, с. 46].

В Челябинской области массовым неофициальным движением 1970–80-х годов были клубы самодеятельной песни (КСП), по инициативе которых «стихийно» с 1973 года проводился Ильменский фестиваль (г. Миасс). До 1982 года Ильменские фестивали проводились ежегодно и стали традиционными, в них принимали участие тысячи человек из десятков городов страны. Но развитие самодеятельной песни в таких масштабах в Челябинской области считали нецелесообразным и фестивали были отменены.

Для сотен молодых инженеров и работников Конструкторского бюро машиностроения (г. Миасс) событиями культурной жизни являлись зимние и летние молодежные слеты, выставки фотоклуба «Импульс» (руководитель Л.Л. Оболенский), слайд-вечера современного искусства [6, с. 47].

В 1980-е годы неспособность системы решить бытовые проблемы, справиться с другими кризисами (разрушение природы, социальная несправедливость, бездуховность) приводила к тому, что по мере развития общей культуры населения все большее число людей начинало обращать на них внимание. Обстановка психологического недовольства способствовала быстрому распространению соответствующей информации, даже когда телевидение, радио и газеты сообщали прямо обратное. Недовольство условиями собственной жизни превращалось (пока у меньшинства) в недовольство системой. Происходило обострение проблем и противоречий всех уровней – цивилизационных, системных, стадийных, специфических региональных и т. д. Все они, так или иначе, концентрировались и выявлялись наиболее ярко в городской жизни.

30.09.2012

Список литературы:

1. Малкова, И. Г. Культура городов Урала (вторая половина XX века) : учебное пособие / И. Г. Малкова. – Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2008. – 139 с.
2. Уральский экономический регион. Основные итоги переписи населения 1989 г. – Екатеринбург, Б. и., 1991. – 96 с.
3. Глазычев, В. Л. Феномен асинхронности в культуре / В. Л. Глазычев // Ускорение социально-экономических процессов и культурные проблемы социальной организации. – М. : Наука, 1987. – 224 с.
4. Коган, Л. Н. Исторические реалии советской культуры и современность / Л. Н. Коган // Социально-политические науки. – 1990. – № 10. – С. 42–48.
5. Уральский регион: проблемы и перспективы развития. – М. : Наука, 1991. – 219 с.
6. Малкова, И. Г. Преодоление стереотипов (социокультурное развитие промышленно развитых областей Урала в 1980–1990-е гг.) / И. Г. Малкова. – Екатеринбург, Челябинск : Издательство ЮУрГУ, 2004. – 177 с.
7. Шубин, А. В. Социальная структура СССР в канун перестройки / А. В. Шубин // Отечественная история. – 1997. – № 4. – С. 130–138.
8. Город и культура : Коллективная монография. – Челябинск, ЧГИИК, 1993. – 150 с.
9. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф.288. Оп.193. Д.202.
10. ОГАЧО. Ф.288. Оп.193. Д.188.
11. ОГАЧО. Ф.288. Оп.179. Д.48.
12. ОГАЧО. Ф.288. Оп.193. Д.187.
13. ОГАЧО. Ф.Р-1589. Оп.1. Д.11.
14. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп.120. Д.204.
15. Развитие культурно-досуговой сферы региона. – Челябинск : ЧГИИК, 2003. – 160 с.
16. Быкова, И. П. Растущее воздействие культуры / И. П. Быкова. – Пермь : ПГПИ, 1982. – 124 с.

Сведения об авторе:

Малкова Ирина Геннадьевна, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Южно-Уральского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент 456304, г. Миасс, ул. 8 Июля, 10-а, ауд. 208, тел. (3513) 575778, (3513) 556950 (факс), e-mail: malkovaig@mail.ru

UDC 94(470)**Malkova I.G.**

South Ural State University

CULTURAL SPACE OF CITIES IN THE URALS (1960–1980-IES.)

In this article, based on diverse sources analyzed general patterns and regional characteristics of the cultural space of cities of the Urals. In 1960–1980-s in the USSR was the aggravation of the problems and contradictions of all levels and it is the city in the period of increasingly determined social development.

Key words: city of the Urals; the cultural space; the 1960s-1980s-ies.